

**Соловьев-Несмелов Николай
Александрович**

"Молодые побеги"

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович С.**
"Молодые побеги" / Соловьев-Несмелов Николай Александрович – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 112 с.

ISBN 978-5-519-74851-3

Сборник рассказов и сказок для детей младшего возраста

ISBN 978-5-519-74851-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

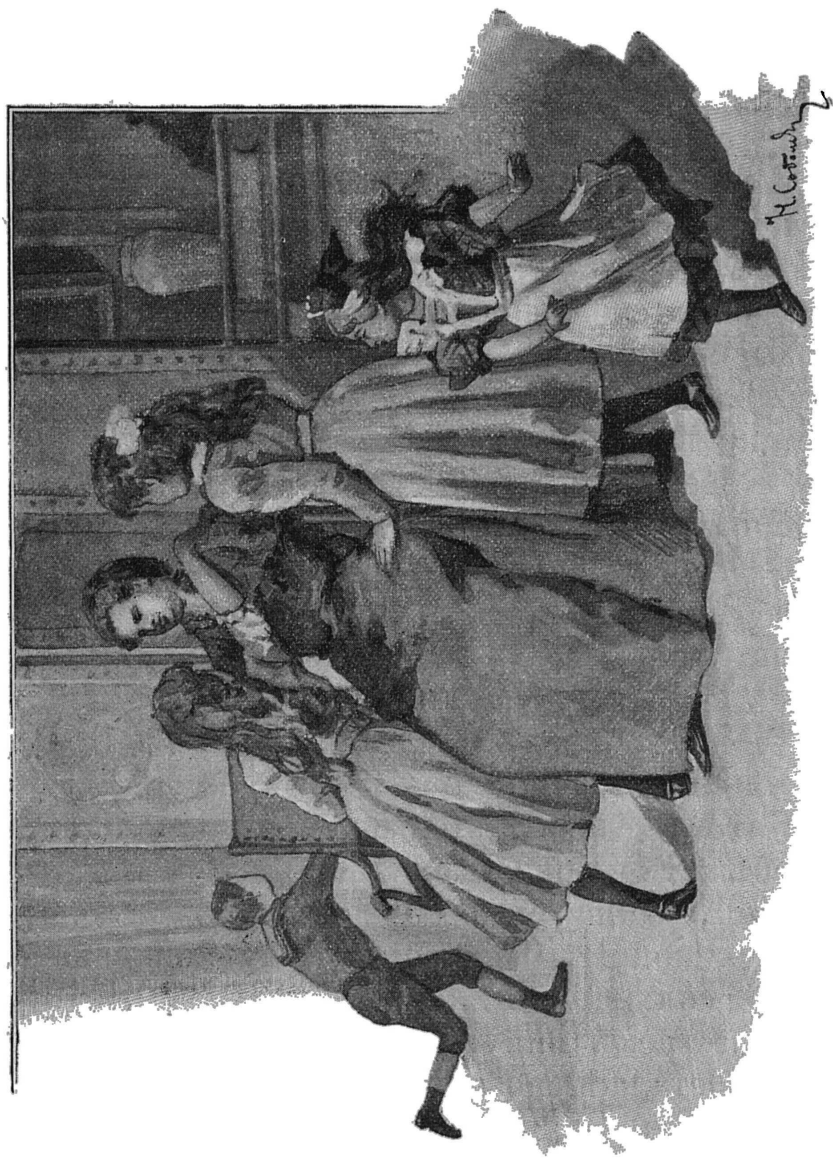
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Пусти, пусти, мамочка!

— Хорошо, идите съ няней, только одѣньтесь теплѣе!— слово за словомъ слетало съ улыбающихся губъ мамы.

При словѣ: „хорошо“, Володя уже летѣлъ изъ столовой; дѣвочки тоже проскользнули въ дѣтскую.

Въ дѣтской слышался шумъ, бѣготня, розыски муфты, шляпъ, перчатокъ; няня вертѣлась изъ стороны въ сторону, безпомощно восклицая:

— Не торопитесь!.. Поспѣете!.. У-ухъ!.. Господи, какая суета!..

— Ну, мы одѣты!—крикнула Женья.

— Няня, иди же, иди скорѣе!—тянула няню Лиля.

— Сейчасъ, сію минутку!..

— Мы впередъ пойдемъ!—заявилъ Володя.

Хлопнули двери и все стихло.

Катокъ былъ близко; стоило дѣтямъ пробѣжать дворомъ, немного захватить аллею обнаженныхъ деревьевъ, — тутъ и прудъ, покрытый зеленоватымъ, искрящимся подъ солнечными лучами льдомъ. Не прошло и трехъ минутъ, — дѣти были уже тамъ; няня осталась позади.

У Жени, Вали, Лили и Володи были хорошіе коньки и надѣвались просто, безъ ремней.

Минута — и коньки на ногахъ. Лиля пустилась впередъ, и вскорѣ скрылась за крутымъ поворотомъ. За ней покатила Валя, прикрывъ лицо до половины муфтой; видны были только полузакрытые глаза ея и маленькій птичій носикъ; она въ эту минуту забыла всѣхъ и все. Володя бросился за ней, не обращая вниманія, что у него надѣтъ конекъ только на правой ногѣ, а другой лежитъ себѣ далеко подъ деревомъ. Женя скользила слѣва, размахнувъ широко руками.

— По-ка-а-ти-ли-и! — пронесся громкій кличъ Володи по ледяному полю, и гдѣ-то далеко вторило эхо: „ти-ли-ли!“ Точно какая-то птичка, забытая на зиму въ этой сторонѣ подругами, улетѣвшими въ теплый край, грустной пѣсенкой звала подругу счастливыхъ лѣтнихъ дней.

На каткѣ звенѣлъ веселый дѣтскій смѣхъ. Женя, Валя и Володя догоняли, перегоняли другъ друга, скользя вправо, влево, впередъ и впередъ. Впереди всѣхъ бѣжала Лиля, а за ней, взвизгивая, прыгала шаловливая Амишка.

— Шире дорогу! — крикнулъ почти надъ ухомъ Лили, налетая вдругъ, Володя, и — клюкъ носомъ объ ледъ.

Лиля вздрогнула, правая нога ее запрыгала, и она едва удержалась на мѣстѣ.

— Вотъ и зима!—подкатывая на помощь, смѣялась Женья.

— Это ты, вѣрно, толкнула меня локтемъ! — поспѣшно вскакивая, отозвался Володя.

— Что ты, что ты!.. Больно ушибся?

— Ни на волосокъ!.. Я почти и не упалъ!.. Видишь, и снѣгу на мнѣ нѣтъ!.. По-ка-а-ти-ли-и! — прыгнувъ опять впередъ, оглашалъ Володя катокъ.

— Тише, — второй разъ свернешься! — останавливала брата Женья.

— Вотъ новость!.. Пустяки!.. Кто меня догонитъ?

— Я!.. Я!.. — смѣялись сестры и летѣли за Володей.

Зарумянились дѣтскія лица, въ веселыхъ глазахъ мелькали свѣтлыя искорки. Дѣти жили полною жизнью; имъ привольно было на этомъ ледяномъ просторѣ; передъ ними, подъ ногами у нихъ искрилось свѣтлое, ровное поле, и впереди и позади ни кочекъ, ни ямокъ, ни рытвинъ.

1886 г.

Котъ Мардарій и мышь Степанида.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній).

Нодъ поломъ нашей дѣтской какъ-то явилась мышь съ шестью мышатами. Наша няня назвала ее Степанидой, и мы съ сестрой Сашей тоже стали ее звать Степанидой.

— Коленька, слышалъ, какъ нынче ночью гуляла около твоей кровати старая Степанида, возилась съ стеариновымъ огаркомъ?— сказала мнѣ разъ утромъ няня.

— Я даже видѣлъ изъ-подъ одѣяла всѣхъ ея мышатъ,—хорошенькіе.

— Какіе, Коля? Что ты не разбудилъ меня,—приставала ко мнѣ сестра Саша.

— Не спи и увидишь... Соня ты!.. Какіе? Маленькіе... съ мизинецъ... дымчатые... хвосты длинные... глаза свѣтлые... мордочки

смѣшныя... Долго возились они съ огаркомъ: катали его по полу, вырывали другъ у друга, подбрасывали вверхъ, какъ мячъ, и ловко ловили; а мать ихъ, Степанида, сидѣла тутъ же и караулила. Какъ только скрипнула дверь, вошла бабушка, — Степанида пискнула и бросилась въ уголъ, за ней умчались всѣ мышатки; я ихъ ждалъ, ждалъ, — не вышли, такъ и заснулъ.

— Что это нашъ Мардарій смотритъ? Закормили вы его... Вотъ онъ день-деньской спитъ, а ночью гуляетъ по крышамъ, — ворчала няня.

— И пускай гуляетъ... Мышкамъ и поиграть нельзя въ дѣтской, подъ поломъ имъ темно, тутъ свѣтлѣе, — и ѣсть имъ тоже хочется, тамъ нечего ѣсть.

— Смотри, они и васъ съѣдятъ съ сестрицей безъ Мардарія-то! — причитала няня.

— Ты скажешь тоже: маленькіе мышатки насъ, большихъ, съѣдятъ!..

— Они грызуны... изгрызутъ и сапожки, и платье, заберутся и въ кровать... цапнутъ за носъ — вотъ и останетесь безъ носа.

Нашъ котъ, толстый, большой, бѣлый, прозванный тоже няней Мардаріемъ, по-

чтенный котъ, больше лежалъ у печки и сопѣлъ себѣ подъ носъ. Привяжешь, бывало, ему бумажку къ хвосту, думаешь: вотъ онъ поиграетъ съ ней, а Мардарій чуть-чуть подниметъ голову, чуть-чуть глазомъ поведетъ, дернетъ лапой за бумажку, оторветъ ее и такъ высоко вскинетъ лапку кверху, точно погрозить ей: „Дескать, не балуй, не люблю я глупостей; мнѣ покой дороже всего!“ И снова закроетъ глаза и сопить себѣ, сопить.

Но нянѣ, вѣрно, надоѣла возня старой Степаниды съ мышатами, и она какъ-то ночью заперла кота Мардарія въ дѣтской. Лампадка у образовъ тускло горѣла. Няня уже храпѣла; Мардарій мирно лежалъ у бѣлой изразцовой печки и сопѣлъ себѣ; мамъ съ сестрой Сашей не спалось, сначала мы перешоптывались, а потомъ замолкли. Чу!.. Въ углу, за Сашиной кроватью, тихо зашуршало. Минута, — и вышла мышь Степанида съ шестью мышатами. Мышатки суетливо обѣжали мать, живо вспрыгнули на табуретку.

— Саша, не спишь? — шепнулъ я.

— Вижу, — шопотомъ отвѣтила она.

Мышатки были уже на столѣ. Мардарій зашевелилъ бѣлой головой, видно было, какъ

поднялась тѣнь его на бѣлой печкѣ; онъ потянулъ ноздрями воздухъ. Мышата рылись въ моихъ тетрадкахъ, въ рисункахъ на столѣ, точно искали тамъ интересныхъ стишковъ; одинъ пискнулъ и потащилъ леденецъ—его забыла Саша,—за нимъ бросились остальные. Они прыгали на столъ, вырывали другъ у друга леденецъ. Мышь Степанида ударила лапой по головѣ того, который пискнулъ, и всѣ разомъ бросились прочь со стола; передній, отбиваясь, еле-еле тащилъ длинный леденецъ: всѣ бѣжали прямо къ печи. Я ахнулъ, Саша тихо заплакала; но толстый Мардарій, точно большой мячъ, разомъ грузно налегъ на всю кучу мышатъ и засопѣлъ. Я былъ пораженъ, и поднялся съ кровати: мышь Степанида, бѣжавшая за своими мышатами, не бросилась подъ кровать, но отчаянно вскочила на голову Мардарія и впилась ему прямо въ мясистый лобъ; Мардарій перекатился впередъ, поднялся на заднія лапы, передними лапами сцапалъ мышь Степаниду, крѣпко сжалъ ее и бросилъ на полъ: она была мертва; четверо мышатъ выскользнули изъ-подъ Мардарія. Саша съ громкимъ ревомъ сползла съ своей кровати и побѣжала

Мардарій зашевелив бѣлой головою.

къ Мардарію; но было уже поздно: двое мышатъ лежали неподвижно, одинъ изъ нихъ лапкой придерживалъ на груди леденецъ. Мардарій сидѣлъ надъ мышью Степанидой, наложивъ на нее лапу, точно охранялъ ее, и мурлыкалъ тихо: „Мало, мало, мало!“

— Что вы, что вы, дѣти?.. Господь съ вами, что поднялись въ глухую полночь!.. Что ты, Сашенька, плачешь?..

— Степанида... Мардарій... Онъ задушилъ ее, няня!—сквозь слезы говорила Саша.

— И-и, свѣтъ мой, горя нѣтъ настоящаго у тебя... о мыши Степанидѣ плачешь... На то и котъ въ домѣ, чтобы мышь не шалила... Страху на нихъ не было, вишь развозились... Лѣнивъ нашъ Мардарій, а службу свою знаетъ.

До утра мы не могли заснуть съ Сашей; но съ тѣхъ поръ мы уже мышей не видѣли. Пропали, ушли куда-то четыре мышенка: перекочевали, видно, туда, гдѣ не было ни одного Васьки, ни одного Мардарія, а, можетъ-быть, вскорѣ попали они тоже въ лапы какому-нибудь Мардарію.

